

40 ЛЕТ ТВОРЧЕСТВА А. М. ГОРЬКОГО

В 1902 году В. И. Ленин, живя в эмиграции в Лондоне, писал своей матери:

«Горького получил и читал с очень большим (курсив Ленина. И. Н.) интересом, сам читал и другим давал».

Очень большой интерес к А. М. Горькому В. И. Ленин сохранил в течение всей своей жизни. Он тома книг Горького возил с собой в ссылку и в эмиграцию. Он—на посту председателя Совнаркома, руководителя первого в мире пролетарского государства, в самые тяжелые годы гражданской войны зачитывался Горьким. И когда Ленину прислали вышедшую книгу Горького о Толстом, он—как он после сам рассказывал, «в ту же ночь залпом прочел книжку» и говорил о ней:

«Вы знаете—Толстой у Горького, как живой получился. Пожалуй, так честно и смело о Толстом никто не писал».

Таким же образом В. И. Ленин на всех этапах революции неизменно следил за деятельностью Горького, видел в нем соратника пролетарской борьбы.

В. И. Ленин высоко ценил Горького, неизменно им интересовался, дарил его личной дружбой, потому что Горький не только о Толстом, но и обо всем собственническом мире, о всей культуре прошлого всегда писал, всегда действовал честно и смело, как доподлинный пролетарский революционер.

Сорок лет литературной и общественной деятельности А. М. Горького—это сорок лет роста и развития пролетарской культуры, сорок лет борьбы и побед международного пролетариата и, в первую очередь, пролетариата России, СССР.

Это сорок лет борьбы за превращение помещичье-капиталистической России в Союз социалистических советских республик, за победу социализма во всем мире.

А. М. Горький опубликовал свой первый рассказ «Макар Чудра» в сентябре 1882 года, в тифлисской газете «Кавказ».

«Макар Чудра»—легенда о юноше Лойке Забаре, который выше своего благополучия, своего счастья, своей любви ставит свободу, гордую, действительную человеческую независимость.

В чем был смысл этого сказа, куда он сводит

Он внушал презрение к апатии и покорности, звал к борьбе. Он был направлен против господствовавших тогда в русской литературе и общественной жизни подавленности и примирения с реакцией.

В «Климе Самгине» А. М. Горький впоследствии так охарактеризовал годы, непосредственно предшествовавшие началу его литературной деятельности:

— В начале 80-х годов погибли последние представители героической «Народной воли». Когда герои были уничтожены, они, как это всегда бывает, оказались виновными в том, что, возбудив надежды, не могли осуществить их. Многие, немедля и благородно закрыли двери домов своих перед осколками группы героев, которые еще вчера вызвали восхищение, но сегодня могли только скомпromитировать».

Свое ренегатство, свою общественную трусость буржуазия, либеральная интеллигенция прикрывали поспешно состряпанными теориями:

«Люди быстро умнели,—рассказывает А. М. Горький,—и, соглашаясь со Спейсером, что «из свинцовых инстинктов не выработашь золотого поведения», сосредоточивали силы и таланты свои на «самопознании», на вопросах индивидуального бытия. Быстро подыгались к приятию лозунга «наше время—не время широких задач».

Эти настроения, выражавшие капитализацию перед самодержавием, подчас субъективное оправдание и приятные реакции, всегда объективную помощь реакции, находили особенную поддержку в лице Ф. М. Достоевского и по-иному в лице Л. Н. Толстого.

А. М. Горький так характеризует их роль в ренегатских и упадочнических настроениях той эпохи:

«Гениальнейший художник, который так изумительно тонко чувствовал силу зла, что казался творцом его, дьяволом, разоблачающим самого себя, художник этот в стране, где большинство господ были такими же рабами, как их слуги, истерически кричал: «Смирись, гордый человек. Терпи, гордый человек».

А вслед за ним не менее мощно звучал голос другого гения, властно и настойчиво утверждая, что к свободе ведет только один путь—путь «непротравления злу насильем».

А. М. Горький не говорит тут о третьем большом писателе той эпохи—

об А. П. Чехове, который в своем творчестве отразил этих безвольных, покорных, бегущих от борьбы».

Реакционной философии Достоевского и Толстого, ренегатско-трусливой теории и практике чеховской интеллигенции, лозунгу малых дел, ищущей компромиссов с самодержавием буржуазии—А. М. Горький противопоставил бунт свободлюбивых, гордых, действительных героев.

Легенда о Лойке Забаре («Макар Чудра») была первой в целом ряде произведений А. М. Горького, где он воспевал героическую, действительную личность, гордую и независимую. Она не соглашается жить серой жизнью, как то советует чеховский интеллигент Иванов (драма «Иванов»), она от казывает смиряться, к чему призывает Достоевский. Она сознает, что смирение—удел слабых и ничтожных. Она слишком остро чувствует зло насилия и насилие зла, чтобы принять толстовский призыв: «не противляться злу насильем». Христианствующей святости она противопоставляет безумство храбрых и отважных.

Носителями этих своих идей М. Горький делал или легендарные образы («Макар Чудра», «О чижике, который лгал, и дятле, носителе истинны», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе» и друг.), или образы «босяков», люмпен-пролетариев.

Это, однако, отнюдь не было результатом того, что Горький был идеологом люмпен-пролетариев, певцом индивидуалистического анархизма, как утверждали многие буржуазные критики.

В условиях реакции воспеание легендарной, действительной личности, противопоставление образа босняка с его нерасчетливостью, своеволием, беззаветностью, образком трусливого, расчетливого мещанина имело объективно революционизирующее значение.

Недаром А. М. Горький закончил по лосу своих романтизированных легенд о героической личности, о свободлюбивых «босьяках», «Песней о Соколе», хвалой безумству храбрых, призывом «пусть сильнее грянет буря». Все его романтизированные легенды и сказки о босьяках, как и все его творчество, было буревестником, возмещало и подготавливало революцию 1905 года и стало фактором ее победы.

Либеральная буржуазная критика вычитывала из призыва М. Горького: «пусть сильнее грянет буря» свой ло-

зунг: «да здравствует конституция». Она отождествляла его образы босяков с ницшеанским сверхчеловеком и объявляла А. М. Горького идеологом анархоиндивидуализма.

А. М. Горький всей своей политической и литературной деятельностью опроверг это классово-враждебное истолкование его деятельности литературной, как и общественной.

А. М. Горький не остановился на общерадикальствующих позициях, на которые столь падки были многие писатели в атмосфере поднимавшейся революционной волны. Он не остановился на радикально-интеллигентских симпатиях к той или иной социалистической партии или даже к социал-демократии вообще, а пришел непосредственно к большевистской фракции РСДРП, к В. И. Ленину.

Последовательным сознанием действительности проникнуты уже первые две большие книги А. М. Горького: «Фома Гордеев» и «Трое», написанные к концу 90-х годов, иначе говоря, в годы, которые критика обычно относил к «романтическому» периоду его творчества.

Книга «Фома Гордеев» особенно связана с нижегородским периодом жизни М. Горького. Нижний-Новгород давал Горькому тот фактический материал, из которого он создавал свои обобщенные художественные образы.

М. Горький впоследствии в ряде своих произведений дал различные этапы в истории русского капитализма, борьбы и победы над ним пролетариата, дал основные группы русской буржуазии: торговой, промышленной, консервативно-октябристской, либерально-кадетской и радикально-интеллигентской.

Нижний-Новгород, Волга были во второй половине 19 века одним из основных центров развития русского торгового капитала. М. Горький, пользуясь нижегородским материалом, дал сконцентрированные образы превращения торгового капитала в промышленный. Он показал процесс формирования идеологов промышленной буржуазии.

Нижегородские купцы зачитывались книгой Горького «Фома Гордеев». Они из нее вычитали портреты живых нижегородских купцов.

В воспоминаниях о Н. А. Бугрове, «миллионере, крупном торговце хлебом, владельце паровых мельниц», который «играл в Нижнем и губернии роль удельного князя».

М. Горький рассказывает, как вскоре после опубликования «Фомы Гордеева» к нему явился нижегородский купец старик Зарубин и говорил ему, как купечество оценивает его книгу: «Книга, стоящая внимания; хоша и сочинение, а правда есть; верно говорит описал, народ мы такой... Яков Башкиров хвастает: «Маякин—это я. С меня списано, вот, глядите, какой я есть умный».

Неудивительно, что нижегородские купцы называли себя в эти годы

На пароходе у купца Кононова видит наиболее именитых города. Он наблюдает их за мной службой:

«Они стояли в благоговейной нице: лица их были благочестиво сосредоточены: молились они усердно, глубоко вздыхая, низкаясь, умиленно возводя глаза в высь».

Но вся эта их молитвенная подлинность резко контрастирует с тем, что Фома Гордеев знал про них

«Вот Лука Резников—он начал еру содержанием публичного доу разбогател как-то сразу. Говорит, удушил одного из своих гостей гатого сибиряка... Зубов в молот занимался скупкой крестьянских жи, дважды банкротился... Казалось, двадцать назад судился за что-то, а теперь тоже состоит под следствием за растение малолетней. Видимый второй уже раз по такому обвинению привлечен к делу и за Кириллов. Робустов, толстый, нижегородский купец с круглым лицом и в голубыми глазами... Средних людей нет почти ни одного, о ком Фома не было бы известно чье преступного».

В этих звериных рожах можно узнать все нижегородское купечество. Даже лучшие из них—нижегородского купечества, самарского Бугров.

«Дед мой сказывал мне, писал Горький, что отец Бугрова «рылся» фабрикацией фальшивых денег. Сам Бугров уже уголовно-наказан за буржуазией преступлением, нямался, но он в один год на своем голоде удвоил состояние, коему осталось от отца. Бугров главой старообрядцев и охранял миллионы «древле благополучия». Поволжья, показывая всем старикам пример, как жить. Он бедняков родителей дочь, жил пока она не надоедала ему, а он выдавал ее замуж за одного из своих служащих или рабочих, жая приданым в 3—5 тысяч руб. «обязательно строил молодому мальчишке в три окна домик, ярче рашенный, крытый железом. В Старе где у Бугрова была огромная мельница, такие домики торчали всех улицах. Вероятно, эти домики возбуждая воображение и жажду, очень способствовали торговле, вычьем телом».

Однако, книга «Фома Гордеев» не только портреты нижегородского купечества, а художественным вымыслом сущности русской буржуазии конца 19 века. Максим Горький в «Фоме Гордееве», а затем в романе «Трое», вскрыл жадность и жестокость русской буржуазии. В Якове Маякине дал классический образ идеолога русской буржуазии, которая кровью рабочих уплатить за выживание самодержавия и в крови рабочих потонуть революцию. И здесь попытка подробностей совпадения

